I.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Въ умѣ каждаго изъ насъ выдаются рѣзко, изъ темныхъ воспоминаній первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, нѣкоторыя отдѣльныя происшествія, какъ предметы, освѣщенные яркимъ лучемъ среди пространства, покрытаго туманомъ. Такъ, я помню ясно, какъ я, пятилѣтняя, разъ утромъ, входя въ столовую отцовскаго дома, была поражена необыкновеннымъ видомъ этой комнаты. Въ ней стояли чемоданы, вокругъ которыхъ суетилась прислуга. Мнѣ сказали, что мы тотчасъ же уѣдемъ изъ Москвы. Я спросила: зачѣмъ?—Идутъ непріятели. — Какіе непріятели?— Французы.—Этотъ день былъ 27-го августа 1812 г.—

Мать моя была сильно встревожена, и я помню, какъ отецъ старался ее успокоить и увѣрялъ, что она, по возвращеніи, все найдетъ въ цѣлости въ домѣ. Между тѣмъ, болѣе и болѣе спѣшили укладываться, кое-какъ. На дворѣ стояли ямщики и съ каждымъ часомъ возвышали цѣну за своихъ лошадей. Мимо оконъ на улицѣ тянулся къ заставѣ безконечный рядъ каретъ и повозокъ: всякій ѣхалъ изъ Москвы, какъ могъ; иные даже на дрожкахъ въ одну лошаденку.—Поѣхали и мы: мать съ трехлѣтней сестрой моей и съ горничной въ каретѣ, отецъ со мной въ колескѣ. Ѣхали мы въ Ярославль, гдѣ мой отецъ имѣлъ много знакомыхъ и пріятелей, проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ до женитьбы своей, а потомъ еще два года съ молодой женой. Потомъ онъ съ ней и со мной, годовымъ ребенкомъ, переселился въ Москву, изъ которой, только что устроившись, приходилось теперь удалиться.

На дорогѣ, особенно когда мы останавливались на станціяхъ, мать мнѣ повторяла: „Не говори по-французски“, когда я, по обыкновенію, принималась болтать на этомъ языкѣ. Я не понимала, почему мнѣ не говорить по-французски; но оно въ самомъ дѣлѣ было опасно въ присутствіи простого народа.—Мнѣ тоже казалось страннымъ дѣломъ, что мы бѣжали отъ непріятелей, которыхъ не видать было и

въ дали, сколько разъ я ни оглядывалась назадъ, сидя въ коляскѣ.

Такъ мы доѣхали до Ростова. Помнится мнѣ, какъ, прибывъ туда, отецъ и мать долго толковали вмѣстѣ, слѣдствіемъ чего было, что отецъ отправился обратно въ Москву, оставивъ въ Ростовѣ семейство, къ которому обѣщалъ возвратиться черезъ два дня. Безпокойство матери моей въ теченіи этого времени было такъ сильно, что оно дѣйствовало даже на мой безпечный пятилѣтній умъ. Часто, просыпаясь ночью, я, не двигаясь, глядѣла, какъ она, при тускломъ мерцаніи нагорѣвшей свѣчки, ходила безъ устали взадъ и впередъ въ маленькой комнатѣ, которую мы заняли. Такъ прошли сутки, другіе и третьи. Насталъ уже четвертый день, какъ вдругъ хозяйка гостиницы бросилась къ намъ въ комнату, крича: „горимъ! домъ горитъ!“ Къ счастію, оно было не совсѣмъ такъ; выкинуло изъ трубы; и въ эту самую минуту испуга и суматохи пріѣхалъ отецъ. Изо всего, что было оставлено въ московскомъ его домѣ, онъ спасти и вывезти не могъ ничего, и съ трудомъ самъ выбрался изъ города.

Въ тотъ же день мы отправились въ Ярославль, гдѣ расположились покуда, какъ и многіе другіе москвичи, въ ожиданіи событій, не зная, не придется ли ѣхать еще далѣе, не надо ли будетъ переправиться черезъ Волгу.

Всѣ квартиры въ городѣ уже очень вздорожали, и добыть даже тѣсную было трудно. Пріятели отца моего нашли, однако, для насъ двѣ комнаты, которыя мы поспѣшили занять. Мнѣ онѣ очень понравились; въ одной изъ нихъ висѣли на стѣнахъ картинки, вѣроятно, чрезвычайно дурныя, которыя меня поразили, какъ великолѣпное украшеніе. Странно, что, помня много неважныхъ обстоятельствъ моего тогдашняго пребыванія въ родинѣ моей и много незначительныхъ предметовъ, я вовсе не помню предмета самаго прекраснаго и величественнаго — Волги. Остальную часть дома, гдѣ мы помѣстились, занимала также пріѣхавшая изъ Москвы старая графиня Строгонова, бабушка жены графа Сергѣя Григорьевича Строгонова. Общее бѣдствіе сближало людей: сосѣдъ заботился о сосѣдѣ; московскіе бѣглецы въ особенности встрѣчали другъ друга какъ сродники. Узнавъ о нашемъ прибытіи въ домъ, графиня тотчасъ познакомилась и вскорѣ вступила въ дружескія отношенія съ моими родителями.

Эту современницу Екатерины II я помню тѣмъ яснѣе, что видала ее часто еще и въ теченіи всего слѣдующаго года. Когда я въ первый разъ вошла къ ней съ матерью, я очень удивилась. На большой шелковой постели сидѣла, поддержанная подушками, маленькая, скорченная, нарядная старушка; изъ кру-

жевного чепца ея, украшеннаго лентами яркаго цвѣта, выдавалось изсохлое до крайности, чрезвычайно живое лицо. Графиня была уже много лѣтъ въ параличѣ и почти вовсе не могла двигаться; но умъ ея сохранилъ всѣ свои способности. Она говорила много и съ живостью, любила упоминать о своемъ пребываніи въ Парижѣ, прежде революціи, и съ особеннымъ удовольствіемъ разсказывала, какъ она посѣтила Вольтера въ Ферне, и какъ онъ, уже больной, возвратившись, во время ея пріѣзда къ нему, съ небольшой прогулки, послѣ долгаго заключенія въ дому, встрѣтилъ ее словами:—„Ah! Madame quel beau jour pour moi: j'ai vu le soleil et vous“ *).

Само собою разумѣется, что мои воспоминанія этого грознаго и славнаго двѣнадцатаго года дополнены многимъ разсказаннымъ мнѣ гораздо позднѣе, и что я видѣла и понимала только самую малую часть того, что тогда творилось и говорилось вокругъ меня; но я внимательно слушала, постигая, что рѣчь шла о какихъ-то диковенныхъ событіяхъ. Я старалась присутствовать, сколько могла, при разговорахъ б о л ь ш и х ъ, и мнѣ было очень досадно, что меня клали спать, когда отецъ и мать уходили къ графинѣ провести у ней остальной вечеръ. Имя

*) Ахъ, милостивая государыня! Какой прекрасный для меня день: я видѣлъ солнце и васъ.

Наполеона, которое я безпрестанно слышала, означало для меня человѣка, совершающаго дѣло въ высшей степени несправедливое, и я просила, чтобы меня пустили къ нему, въ твердомъ убѣжденіи, что сумѣла бы усовѣстить его и уговорить отправиться назадъ, во-свояси.

У графини Строгоновой собиралось обыкновенно много пріѣзжихъ изъ Москвы; всякій разсказывалъ, что узналъ новаго; толковали о полученныхъ извѣстіяхъ и о разныхъ слухахъ. Это общество было, разумѣется, составлено изъ людей comme il faut, и большею частью аристократовъ. Странное должно оно было производить впечатлѣніе, когда съ французскимъ своимъ образованіемъ, съ французскими пріемами, на французскомъ языкѣ бранило французовъ.

Всѣ эти жители Москвы уѣхали изъ нея, опасаясь неминуемаго безпорядка, но ничего другого не предвидѣли. Одинъ наивный нѣмецкій ученый разсказывалъ впослѣдствіи, что передъ отъѣздомъ онъ библіотеку свою тщательно уложилъ въ ящики и на каждомъ написалъ четкими буквами: „Эти книги принадлежатъ профессору Гофману“, бывъ твердо увѣренъ, что, видя эту надпись, всякій, съ должнымъ уваженіемъ къ наукѣ, оставитъ ихъ въ цѣлости.— Осторожныя барыни, запер въ накрѣпко свой московскій домъ и взявъ съ собою ключи, были совер-

шенно спокойны на счетъ своего тамъ оставленнаго имущества. Одинъ господинъ принялъ ту же мѣру для сохраненія прекрасныхъ оранжерей въ своей подмосковной: онъ заперъ ихъ собственноручно и ключи увезъ съ собою. Вѣсть о пожарѣ Москвы грянула, какъ громовой ударъ. Хорошо было Пушкину, лѣтъ двѣнадцать позднѣе, воскликнуть съ энтузіазмомъ поэта: „Пылай, великая Москва!“ но когда она пылала, то, сколько я знаю, общее чувство было вовсе не восторженное. Всѣми овладѣло какое-то странное изумленіе. Все, что сбывалось, носило характеръ неправдоподной сказки; дѣйствительный міръ становился фантастическимъ, границы возможности исчезали.

Отъ одного стараго очевидца тогдашнихъ происшествій я, будучи уже замужемъ, слышала разсказъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ эпизода, который совершился на Тверской площади, нѣсколько часовъ до вступленія французовъ въ Драгомиловскую заставу. Этотъ фактъ, можетъ быть, не всѣмъ извѣстный, былъ мнѣ разсказанъ слѣдующимъ образомъ.

Когда народъ московскій, успокоенный проклама-ціями графа Ростопчина, которыя постоянно твердили о безсиліи и скоромъ уничтоженіи арміи Наполеона, вдругъ узналъ, что эта армія стоитъ на Поклонной Горѣ, готовая вступить безпрепятственно въ Москву, вопль отчаянія пронесся по городу. Оз-

лобленная чернь бросилась къ генералъ-губернаторскому дому, крича, что ее обманули, что Москву предаютъ непріятелю. Толпа возрастала, разъярялась все болѣе и стала звать къ отвѣту генералъ-губернатора. Поднялся громкій крикъ;—„Пусть выйдетъ къ намъ! Не то доберемся до него!“ Въ этомъ затруднительномъ положеніи графъ Ростопчинъ не потерялъ присутствія духа. Приказавъ скорѣе заложить дрожки, онъ вышелъ къ народу, который встрѣтилъ его сердитыми восклицаніями: „Намъ солгали! Говорили, бояться нечего, французы разбиты; а французы вступаютъ въ Москву!“—„Да, вступаютъ, отвѣчалъ громкимъ голосомъ графъ, вступаютъ, потому что между нами есть измѣнники!“—„Гдѣ они? Кто измѣнникъ!“ закричала неистовая толпа.—„Вотъ измѣнникъ!“ сказалъ графъ, указывая на стоящаго вблизи молодого Верещагина.—Этотъ послѣдній, пораженный безсовѣстнымъ обвиненіемъ, поблѣднѣлъ и проговорилъ: „Грѣхъ вамъ, ваше сіятельство!“—Въ ту же минуту вся чернь, въ остервененіи, кинулась на него, и, между тѣмъ, какъ она терзала и убивала несчастнаго, графъ Ростопчинъ вошелъ опять въ домъ, изъ котораго поспѣшно выбрался на задній дворъ, сѣлъ на готовыя дрожки и переулками выѣхалъ изъ Москвы.—Говорятъ, что въ отдаленныхъ губерніяхъ умы были гораздо меньше взволнованы, и что образъ жизни тамошняго общества ни

въ чемъ не перемѣнился во время этой войны. Въ Ярославлѣ нельзя было не тревожиться тѣмъ, что совершалось въ Москвѣ. Извѣстія приходили неточныя, измѣняющіяся ежедневно, противорѣчащія одни другимъ. Чтобъ не лишиться бодрости при этомъ томительномъ невѣдѣніи, надо было имѣть много силы духа, и, какъ всегда бываетъ въ подобномъ случаѣ, она нашлась почти у всѣхъ: почти всѣ оказались гораздо мужественнѣе и лучше, чѣмъ сами полагали себя. Тѣ, которые впадали въ уныніе и горевали о потерѣ имущества, были рѣдкими исключеніями. Всякій личный интересъ дѣлался второстепеннымъ и мелкимъ въ это время. Я помню, какъ отцу моему иные знакомые приносили вѣсть, что московскій домъ его уцѣлѣлъ, какъ другіе говорили противное (что потомъ оказалось правдою) и какъ спокойно онъ слушалъ и то и это увѣдомленіе. Онъ уже зналъ, что его Смоленское имѣніе было раззорено вполнѣ, и для существованія съ семействомъ у него оставалось тогда всего на все сто рублей. Но пришлось вынести еще другое.

Отецъ мой въ молодости былъ студентомъ медицинскаго факультета въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ получилъ, окончивъ курсъ, докторскій дипломъ съ правомъ врачевать своихъ ближнихъ, но никогда этого не дѣлалъ, не желая, какъ онъ говорилъ, быть виновнымъ въ смерти человѣка. Но когда, въ двѣнад-

цатомъ году, въ ярославскихъ лазаретахъ стала свирѣпствовать повальная горячка, и не было врачей, онъ предложилъ услуги свои, какъ медикъ. Сходивъ раза два въ госпиталь, онъ самъ заболѣлъ этой бѣдственной заразой. Тогда мать моя, прекращая сообщеніе со всѣми жильцами дома, какъ и со всѣми знакомыми и помѣстивъ меня съ сестрой и горничной въ одну изъ двухъ комнатъ нашихъ, заперлась въ другую съ больнымъ мужемъ и осталась въ ней безвыходно въ теченіи шести недѣль, не отходя ни днемъ, ни ночью отъ постели, на которой онъ боролся со смертію. Войти къ нему никто изъ постороннихъ не рисковалъ, кромѣ одного съ нимъ знакомаго стараго аптекаря: ему больной, въ минуты, когда чувствовалъ себя въ памяти, заказывалъ лекарства, которыя полагалъ нужными для себя, спрашивая при томъ каждый разъ: „Не въ бреду ли я говорю?— Что онъ выздоровѣлъ и что мать моя не заболѣла въ свою очередь, всѣ потомъ называли чудомъ.

Понятно, что это происшествіе, и все, что касалось его, врѣзалось мнѣ въ память, и потому что я отчасти разумѣла, въ какой опасности находился отецъ, и также потому, что во время его болѣзни я съ сестрой вела жизнь вовсе непривычную. Всѣ знакомые родителей моихъ оказывали имъ столько дружескаго участія, сколько можно было оказать, не подвергая

себя заразѣ. О насъ, дѣтяхъ, всѣ заботились, приходили за нами попеременно, и мы проводили цѣлые дни то въ томъ семействѣ, то въ другомъ. Одна графиня Строгонова не пускала насъ къ себѣ, боясь эпидеміи также черезмѣрно, какъ боялась всего, что могло болѣе или менѣе быть опаснымъ или вреднымъ для нея, всего даже, что могло хотя маломальски нарушить комфортъ ея жизни. Избѣгать всякой непріятной мысли и всякаго тревожнаго чувства казалось ей также естественно, какъ питаться и дышать. Во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, мнѣніяхъ и словахъ проявлялся этотъ наивный эгоизмъ. Когда ее увѣдомили, что умеръ молодой графъ Строгоновъ, единственный сынъ ея сына, восклицаніе ея было характерическое: „Ah, le pauvre enfant! Comme je suis contente de ne pas l'avoir connu!“ *)

Къ немногимъ живымъ моимъ ярославскимъ воспоминаніямъ принадлежитъ ежедневное появленіе у насъ семейства, которое всегда и вездѣ показывалось вмѣстѣ. Глава его, monsieur Le Texier, французъ, во время революціи переселившійся изъ Франціи въ Англію, изъ Англіи въ Германію и оттуда, наконецъ, какъ-то попавшій въ Россію, былъ одаренъ свойствомъ противоположнымъ застѣнчивости и способностью пе-

---

*) „Ахъ, бѣдное дитя! Какъ я довольна что его не знала“.

решагнуть черезъ то, что остановило бы другого. Въ его разговорѣ игралъ важную роль monseigneur le margrave d'Anspach, о которомъ онъ никогда не упоминалъ безъ дополнительной фразы: „à la maison duquel j'ai eu l'honneur d'appartenir“ *). Время, когда онъ исполнялъ какую-то должность у этого маркграфа, онъ, очевидно, почиталъ самой блестящей эпохой своей жизни. Жена его, англичанка, преимущественно гордилась тѣмъ, что дочь ея была крестницей Нельсона. Эта дочь, надѣленная такимъ правомъ на знаменитость, ставила себѣ въ обязанность отличаться самой изящной граціозностью и, стараясь исполнять эту задачу, удивляла меня все снова своими ужимками и неестественнымъ голосомъ, которымъ она говорила. Она также была для меня достопримѣчательна тѣмъ, что носила постоянно, съ утра до ночи, маленькую пастушью шляпку, на которую я всегда глядѣла съ любопытствомъ, желая узнать, какимъ образомъ она была придѣлана къ головѣ. Каждый вечеръ, когда мы садились за чайный столъ, коверъ, который у двери замѣнялъ портьеру, приподнимался, и съ веселымъ восклицаніемъ: „Nous voilà“ **) входилъ m-r Le Texier вслѣдъ за нимъ являлась жена, и вслѣдъ за ней крестница Нельсона въ своей шляпкѣ. Они поспѣшно усаживались и прини-

*) Къ дому котораго я имѣлъ честь принадлежать.

**) Вотъ мы!

мались пить чай. Потомъ происходило всегда одно и тоже. M-r Le Texier бралъ бѣлый хлѣбъ, оставшійся на столѣ и говорилъ, разсматривая его со всѣхъ сторонъ: „Quel bon pain! quel admirable pain! quel excellent pain! Ma foi, ce pain est si bon, que j'ai envie de le mettre dans ma poche!“ *) При послѣднемъ словѣ хлѣбъ погружался въ его карманъ. Эта манипуляція была всякій разъ сопровождаема веселымъ смѣхомъ жены его и дочери, какъ очень забавная шутка. Это семейство вовсе не находилось въ жалкой необходимости промышлять себѣ такимъ образомъ насущный хлѣбъ; но оно думало совершенно справедливо, что глупо платить деньги за вещь, когда есть средство пріобрѣсть ее даромъ.

Время шло; самая бѣдственная пора миновала; настали дни менѣе тягостные. Москва сдѣлалась пепелищемъ, но въ ней уже не было Наполеона. Дышалось легче; начинали полагать возможнымъ сокрушеніе этой силы, до тѣхъ поръ непреодолимой. Сообщали другъ другу вѣсти ободрительныя; съ каждымъ новымъ днемъ узнавали о новыхъ успѣхахъ. Мнѣ помнится, какъ прояснивалось болѣе и болѣе каждое лицо около меня, какъ разговоры станови-

*) Какой хорошій хлѣбъ! какой удивительный хлѣбъ! какой превосходный хлѣбъ! Ей. ей хлѣбъ этотъ такъ хорошъ, что мнѣ хочется положить его къ себѣ въ карманъ!

лись все живѣе.—Помнятся мнѣ также странные люди, ходящіе по улицамъ, жалкія ободранныя фигуры, о которыхъ мнѣ говорили, что это французскіе плѣнники. Одинъ изъ нихъ особенно поразилъ меня. Вся его одежда состояла изъ стараго одѣяла; онъ носилъ его необыкновеннымъ образомъ, прорѣзавъ въ серединѣ дыру, въ которую была просунута голова его.

Упоминая объ этихъ плѣнныхъ, передамъ кстати два факта, сообщенные мнѣ, гораздо позже. Ставлю ихъ рядомъ именно по совершенному ихъ контрасту. Одинъ старый мужикъ, разговорившись разъ со мной о двѣнадцатомъ годѣ, разсказалъ мнѣ, между прочимъ, и слѣдующее: „Вотъ, матушка, какъ наступилъ морозъ, и французамъ стало не въ моготу отъ холода и голода, всѣ они и разбрелись, какъ стадо кто туда, кто сюда, какъ попало. Куда удаль дѣвалась! Только бы уйти отъ нашихъ. Тащатся по дорогамъ, истощалые, а другіе почитай ужъ и ногъ не волочатъ. Вотъ, бывало и наткнемся мы, парни, на одного, возьмемъ и приведемъ въ деревню; такъ бабы-то его и купятъ у насъ за пятакъ: сами хотятъ убить. Ну бабье ли это дѣло?—Одна пырнетъ ножемъ, другая колотитъ кочергой, опять другая тычетъ веретеномъ; мучаютъ, мучаютъ, инда жалко станетъ глядя; подойдешь да хватишь его порядкомъ топоромъ по головѣ. А онѣ-то ну ругаться,

зачѣмъ молъ не далъ имъ самимъ убить до смерти".

Вслѣдъ за этимъ, по несчастью, достовѣрнымъ разсказомъ долженъ найти мѣсто другой, который также относится къ тогдашнимъ взятымъ въ плѣнъ непріятелямъ и также достовѣренъ. Онъ былъ сообщенъ очевидцами Т. Н. Грановскому и имъ переданъ мнѣ.

Въ Орелъ, гдѣ жило семейство Грановскаго, привезено было много плѣнныхъ французовъ, большею частью раненыхъ, и въ самомъ жалкомъ состояніи. Одна бѣдная орловская мѣщанка, повивальная бабка, увидя этихъ несчастныхъ, испросила позволеніе взять нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ въ домъ, и, выбравъ пять человѣкъ изъ тѣхъ, которые всего болѣе нуждались въ помощи, принялась ходить за ними и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ. Истративъ на нихъ все, что имѣла, до послѣдняго рубля, она, не рѣшаясь и тогда покинуть ихъ, стала обходить городъ нищею и полученными подаяніями продолжала содержать призрѣнныхъ ею бѣдняковъ. Когда же ихъ, съ другими плѣнниками, отправили дальше, эта простодушная женщина разбила всю посуду, изъ которой они у нея ѣли и пили, потому что этихъ людей, о которыхъ такъ заботилась и которымъ помогала съ такимъ самоотверженіемъ, она полагала погаными. Не знаю, можно ли найти примѣръ чувства болѣе истинно-христіанскаго?

Наконецъ, убѣжденіе, что опасность миновала, стало общимъ, и всѣ нашедшіе пріютъ въ Ярославлѣ стали говорить о возвращеніи въ Москву. Вездѣ слышался вопросъ: Когда вы ѣдете?—Мы также стали собираться въ обратный путь. Московскій нашъ домъ былъ истребленъ пожаромъ до тла; надо было пріискать какое-нибудь жилье,—дѣло въ то время довольно затруднительное. Забота отца моего на этотъ счетъ была прекращена предложеніемъ, сдѣланнымъ ему графиней Строгоновой помѣститься, на первый срокъ, во флигелѣ большого ея дома на Тверскомъ бульварѣ. Весною мы отправились изъ Ярославля. Эта возвратная поѣздка не оставила во мнѣ никакихъ воспоминаній, кромѣ одного, въѣзда нашего въ Москву. Я была менѣе поражена видомъ ея разрушенія, чѣмъ грустью, изображающейся на лицѣ отца и матери, пока мы ѣхали по улицамъ. Помню, какъ нянька, возлѣ которой я сидѣла въ каретѣ, испуганнымъ взоромъ глядѣла изъ оконъ на право и на лѣво, и при каждомъ обгорѣломъ домѣ, при каждомъ пепелищѣ и пустырѣ, крестилась и повторяла съ ужасомъ: Господи! Господи!

Въ новомъ нашемъ жилищѣ, Тверской бульваръ, лежащій передъ окнами занятыхъ нами комнатъ, сдѣлался для меня предметомъ самымъ интереснымъ и привлекательнымъ. Онъ каждый вечеръ былъ на-

полненъ гуляющими. Послѣ перенесеннаго народнаго бѣдствія, послѣ тяжкихъ заботъ и тревогъ, чувствовали потребность всякаго рода развлеченій. Сходились охотно; было о чемъ потолковать. Извѣстія о новыхъ успѣхахъ нашихъ войскъ одушевляли московское общество, и оно прохаживалось веселой толпой по Тверскому бульвару среди полуразрушенной столицы. Дамы рядились на перерывъ по тогдашней модѣ, которую мы позднѣе всѣ называли въ высшей степени уродливой. Между прочимъ, появились тогда и быстро размножились какія-то необыкновенныя дамскія шляпки, вѣроятно, гораздо менѣе нелѣпыя тѣхъ, которыя носятъ наши теперешнія щеголихи. Въ одинъ прекрасный вечеръ, извѣстный шутъ Иванъ Савельичъ явился въ такой шляпкѣ на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ ихъ было болѣе чѣмъ когда-либо, и важно прошелся по немъ нѣсколько разъ, кивая головой своимъ знакомымъ, то-есть всему тамъ собравшемуся обществу. На другой день ни на одной женской головѣ въ Москвѣ не видать было подобной шляпки, и онѣ исчезли навсегда.

Иванъ Савельичъ, этотъ послѣдній московскій шутъ, былъ вхожъ во всѣ аристократическіе дома. Онъ часто навѣщалъ графиню Строгонову, которую онъ называлъ Катькой, и она всегда принимала его какъ желаннаго гостя. Я не могла постиг-

нуть, почему съ нимъ обращались такъ ласково и находили такъ забавнымъ то, что онъ говорилъ. Мнѣ онъ казался несноснымъ, и я глядѣла на него съ непреодолимымъ отвращеніемъ, неясно и безотчетно понимая жалкое ремесло этихъ шутовъ, которыхъ деспотическіе вельможи прежнихъ временъ, въ надменномъ издѣваніи надъ идеею народныхъ правъ, дѣлали каррикатурой независимаго человѣка и забавлялись такой безнравственной пародіей равенства, имъ ненавистнаго.

Графиня Строгонова, возвратившись изъ Ярославля въ одно время съ нами, уѣхала на лѣто, по своему обыкновенію, въ свое прекрасное Братцово, взявъ съ матери моей непремѣнное обѣщаніе провести тамъ у ней хоть нѣсколько недѣль. Звать мать мою значило звать и дѣтей ея, съ которыми она никогда не разставалась. Узнавъ объ этомъ приглашеніи, я ежедневно спрашивала, скоро ли мы поѣдемъ. Мое любопытство было сильно возбуждено: при мнѣ часто говорили о прелестяхъ Братцова; но въ чемъ именно состояли эти прелести, я не могла ясно вообразить. Не бывавъ еще никогда въ деревнѣ, я не имѣла понятія о наслажденіяхъ загородной жизни и не была вполнѣ убѣждена, что мнѣ тамъ будетъ такъ весело, какъ увѣряли. Но когда я очутилась въ обширномъ паркѣ, окруженномъ рощами и полями, гдѣ можно было бѣгать по волѣ, какъ далеко

хотѣлось—мною овладѣлъ несказанный восторгъ, и съ этого дня сельская жизнь сдѣлалась предметомъ моей страстной любви. Я съ тѣхъ поръ не посѣщала Братцова и не сохранила ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, какъ былъ расположенъ пространный англійскій садъ вокругъ дома и чѣмъ онъ былъ такъ хорошъ; помню только упоительное чувство безграничнаго наслажденія, съ которымъ я въ немъ гуляла. Среди этого раздолья съ какимъ презрѣніемъ я думала о Тверскомъ бульварѣ! Графиня Строгонова не понимала возможности вести жизнь хоть отчасти уединенную. Насущный хлѣбъ былъ для нея не столько нуженъ, сколько насущное общество. Въ Братцовѣ всегда гостили нѣсколько ея знакомыхъ. Изъ тѣхъ, которые тамъ были въ одно время съ нами, помню одну старую княжну Хованскую, которую я называла la grosse princesse и находила вовсе непривлекательной. Пріѣзжали и многіе гости къ обѣду или на вечеръ. Съ особенной предупредительностью со стороны графини и съ особымъ почетомъ со стороны ея домашнихъ былъ всегда принятъ Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, важный видъ котораго меня поражалъ. Услыша, что онъ когда-то славился своей красотой, я получила очень дурное мнѣніе о вкусѣ людей того времени. Эта изсохшая фигура казалась мнѣ вовсе некрасивой.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Братцово, я была крайне изумлена тѣмъ, что произошло въ одну ночь. Меня съ матерью, возлѣ которой я спала, разбудилъ стукъ въ дверь. На вопросъ матери, кто стучится? послышался голосъ Александры Евграфовны, la demoiselle de compagnie графини: „Извините, что я васъ безпокою. Графиня проситъ васъ пожаловать къ ней какъ можно скорѣе!“—„Что же случилось?“ спросила испуганная мать моя.—„Начинается гроза; графиня очень опасается! Сдѣлайте милость, пожалуйте скорѣй!“—Мать моя, отправивъ Александру Евграфовну съ отвѣтомъ, что тотчасъ сойдетъ и не понимая, какимъ образомъ она могла быть для графини защитой отъ грозы, начала поспѣшно одѣваться. Maman, возьми меня съ собой! закричала я, соскочивъ съ постели. Мать согласилась. Это было обыкновенное послѣдствіе просьбъ моихъ. — Въ спальнѣ графини мы нашли всѣхъ дамъ, пребывающихъ тогда въ Братцовѣ. Въ канделябрахъ горѣли всѣ свѣчи, ставни оконъ были крѣпко затворены. Среди комнаты, обитой штофомъ, устланой шелковымъ ковромъ, стояла, на стеклянныхъ ножкахъ, кровать, тяжелая шелковая занавѣсь которой была продѣта у потолка въ толстое стеклянное кольцо. На этой, такимъ образомъ по возможности изолированной, кровати лежала графиня, на шелковомъ одѣялѣ, въ шелковомъ платьѣ, съ шелковой повяз-

кой на глазахъ, вскрикивала при каждомъ громовомъ ударѣ и въ промежуткахъ повторяла умоляющимъ голосомъ: „Говорите! говорите что вамъ угодно; только ради Бога говорите!“ Это была для меня сцена вовсе неожиданная и странная до невѣроятности. Пріученная отцомъ не бояться грозы и смотрѣть на нее, какъ на великолѣпное зрѣлище, я сидѣла возлѣ матери въ невыразимомъ удивленіи и въ самодовольномъ тайномъ сознаніи моей безбоязненности. Я глядѣла то на графиню, полубезумную отъ ужаса, то на окружающихъ ее. Княжна Хованская, прижавшись въ уголъ, была также въ незавидномъ состояніи духа. Ей тоже хотѣлось кричать при раскатахъ грома; но, изъ почтенія къ графинѣ, она позволяла себѣ только слабый визгъ. При каждой грозѣ вся эта исторія повторялась. Возможность какой-нибудь опасности ужасала графиню до степени неимовѣрной. Она сама называла себя величайшей трусихой въ мірѣ и казалась очень довольна этимъ превосходствомъ.

Возвратясь изъ Братцова, мы осенью переѣхали въ домъ, нанятый отцомъ моимъ. Мнѣ помнится, что я находила совершенно справедливымъ мнѣніе о непріятности частой перемѣны жительства. Мнѣ надо было уложить и потомъ снова привести въ порядокъ всю мою собственность, помѣщенную въ ящикѣ стола.

Эта зима совершенно изгладилась изъ памяти моей, за то во мнѣ осталось самое живое воспоминаніе слѣдующаго лѣта. Съ безграничной радостью я узнала, что проведу его не въ городѣ; что есть вблизи отъ Москвы Петровское-Разумовское, прекрасное мѣсто, гдѣ мы поселимся на лѣтнее время. И не даромъ я радовалась. Я не помню дней, болѣе исполненныхъ дѣтскимъ счастьемъ, какъ тѣ, которые въ Петровскомъ-Разумовскомъ прожила восьмилѣтнимъ ребенкомъ. Въ этомъ возрастѣ мы, можетъ быть, всего способнѣе наслаждаться жизнью; для насъ существуютъ уже не одни матеріальныя удобства: въ насъ пробудилась способность, которою въ мірѣ одаренъ лишь человѣкъ, понятіе прекраснаго. Мы уже любуемся великолѣпіемъ природы и ея чудесными видоизмѣненіями; мы постигаемъ ея поэзію, мы уже чувствуемъ себя существомъ разумнымъ, и между тѣмъ, живемъ еще вполнѣ въ настоящемъ и, сохраняемъ высшую благодать дѣтства, ясную его беззаботность.

Въ Петровскомъ я блаженствовала еще гораздо болѣе, чѣмъ въ Братцовѣ. Не было тутъ никакой графини, которую надлежало не безпокоить; не было салона, въ которомъ слѣдовало сидѣть смирно. Паркъ былъ еще обширнѣе и лучше Братцовскаго; я вступала въ него, какъ въ какое-то волшебное царство, шла съ восхищеніемъ по величавымъ аллеямъ вѣ-

ковыхъ липъ, гдѣ было такъ таинственно-темно, и не допускала возможности, чтобы въ мірѣ было счастье болѣе совершенное того, которое я вкушала.—Можетъ быть, я и не ошибалась.

Въ этомъ паркѣ были для меня и наслажденія другого рода. Нерѣдко показывался вдали и приближался быстрымъ шагомъ человѣкъ не высокаго роста, съ добродушнымъ смуглымъ лицомъ. Это былъ мой пріятель, главный садовникъ Рашъ. Его появленіе всегда радовало меня: я предвидѣла послѣдствія нашей встрѣчи. Увидя меня, онъ подходилъ, кивалъ мнѣ головой, опускалъ руку въ карманъ, вынималъ изъ него связку ключей и, позвенивая ими, направлялъ шаги свои, безъ другихъ объясненій, къ части парка мнѣ знакомой, куда я очень охотно слѣдовала за нимъ. Мы доходили до длинной шармильи, за которой находилась зеленая рѣшетка съ узкой дверью. Рашъ отпиралъ ее, впускалъ меня, и я стояла передъ безчисленными грядами клубники. Рашъ отыскивалъ тамъ какой-нибудь кузовъ и, давъ мнѣ его въ руки, удалялся со словами: „Черезъ полчаса я вернусь; чтобъ онъ тогда былъ полонъ“. Такимъ онъ всякій разъ находилъ его, возвратившись, и тогда говорилъ: „Ну, теперь несите его домой, опорожните и пришлите назадъ“. Я также и это всегда исполняла въ точности. Набирать клубнику было, разумѣется, гораздо веселѣе, чѣмъ потомъ ѣсть ее.

Въ слѣдующемъ году я опять была счастливой обитательницей Петровскаго; тамъ я нашла всѣ тѣ же причины блаженствовать въ полной мѣрѣ. Мой паркъ (онъ рѣшительно казался мнѣ моимъ) былъ едва ли не еще прекраснѣе, чѣмъ годъ тому назадъ; мой пріятель Рашъ былъ еще любезнѣе и внимательнѣе ко мнѣ и придумывалъ разныя чудеса, которыя внезапно совершались вокругъ меня. Я почти каждый день находила въ нашихъ комнатахъ то огромный букетъ, то корзину, наполненную отличными фруктами, очутившіеся тутъ на столѣ неизвѣстнымъ образомъ. Помню, какъ разъ я вскрикнула въ восторгѣ, входя утромъ въ садикъ принадлежащій къ нашей квартирѣ: онъ имѣлъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ наканунѣ вечеромъ, и былъ усаженъ прекрасными цвѣтами. Помню другое утро, въ которое я, просыпаясь, увидѣла около кровати моей высокіе розаны, наклоняющіе надо мной цвѣтущія вѣтки свои. Всѣ эти нежданныя радости казались мнѣ совершенно въ порядкѣ вещей. Почему же мнѣ было и не встрѣчать съ каждымъ новымъ днемъ какое-нибудь новое нечаянное счастье? Съ наступающей осенью прекратилось для меня надолго раздольное сельское житье. Потомъ мы, въ теченіи многихъ лѣтъ, не имѣли загороднаго жилища, и мнѣ только иногда случалось побывать въ деревнѣ на короткій срокъ.

Я возвратилась изъ Петровскаго, не зная, что покидала его навсегда. — Лѣтъ десять позднѣе я съ знакомыми поѣхала туда погулять. Петровскимъ, царскимъ подаркомъ графу Разумовскому, владѣлъ аптекарь Шульцъ. Паркъ уже былъ обезображенъ, аллеи уничтожены, столѣтнія липы истреблены. Въ дарственной записи, пожалованной графу, было сказано, что рубить деревья, украшающія дачу запрещается навсегда ея владѣльцамъ, и что Петровское можетъ перейти въ другія руки лишь съ этимъ непремѣннымъ условіемъ. Оно и не было нарушено; не срубили ни одного дерева въ помѣстьи: ихъ преспокойно пилили.

1816-тый годъ сдѣлался для насъ грустно-памятенъ: въ началѣ весны умерла сестра моя. Она была чрезвычайно красивое дитя; милое, кроткое ея лицо, вокругъ котораго вились бѣлокурые, чудесные кудри, поражало, во время нашихъ прогулокъ, всѣхъ проходящихъ, и многіе останавливались передъ ней, любуясь ею. До смерти ея я никогда не видала глубокой скорби; тутъ я познакомилась съ нею, глядя на отца и на мать. Ихъ горе я, разумѣется, постигнуть не могла; то, которое я чувствовала, было неупорное горе девятилѣтняго ребенка; но эту-то разницу между ихъ чувствомъ и моимъ я поняла и догадалась, что въ нихъ многое

было для меня недоступно. Эта мысль залегла мнѣ странно въ душу.

Продолжать жить въ домѣ, гдѣ умерла дочь, было тяжко для родителей. Они желали переѣхать на другую квартиру. Нашлась очень удобная, нечаяннымъ образомъ. Отецъ мой оставался вѣренъ своему намѣренію не брать на совѣсть врачеванія больныхъ и никого не посѣщать въ качествѣ медика. Отъ этого правила онъ, однако, возвратясь въ Москву, нехотя согласился отступить, въ отношеніи къ одной старинной знакомкѣ, которая, имѣя почему-то высокое мнѣніе о его медицинскомъ знаніи, упросила его быть ея врачемъ. На его увѣреніе, что, при ея здоровьѣ, врачъ ей вовсе не нуженъ, она отвѣчала, что если и нѣтъ потребности лѣчиться, доктора имѣть надо же, и что она хочетъ отца моего, а не другого. Вслѣдствіе этого онъ принялъ на себя обязанность раза два въ недѣлю проводить у ней полчаса въ разговорѣ о погодѣ и о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ. О какомъ - нибудь врачеваніи и помину не было. На свое здоровье она никогда не жаловалась. Узнавъ, что отецъ мой хотѣлъ искать квартиру, она предложила ему верхній этажъ своего дома, говоря, что ей будетъ пріятно извлечь пользу изъ этого ненужнаго ей этажа, и при томъ быть такъ вблизи отъ своего доктора. Про-

тивъ предложеннаго жилья возразить было нечего, и вскорѣ мы въ него переселились.

Мой умъ былъ тогда уже болѣе способенъ сохранять впечатлѣнія, имъ получаемыя. Мнѣ помнится ясно все окружающее меня въ то время: большой этотъ домъ, два параллельные сада передъ нимъ, раздѣленные дорогой, которая вела къ подъѣзду; за домомъ огромный дворъ. Видъ его, въ морозную ночь, когда онъ, при лунномъ сіяніи, лежалъ свѣтлый и пустой, былъ для меня неизъяснимо - привлекателенъ. Я по цѣлымъ часамъ глядѣла на него изъ окна залы, и когда меня спрашивали, на что я гляжу, отвѣчала: „Такъ, ни на что!“ Да что же тамъ и было?

„Бѣлая равнина,
Полная луна!“

Болѣе и яснѣе всего помнится мнѣ хозяйка дома, Наталья Андреевна Карпова.

Она, также какъ графиня Строгонова, была женщина 18-го столѣтія; но графиня походила болѣе на версальскую графиню двора Маріи Антуанеты, нежели на русскую; Наталья Андреевна, напротивъ, не выѣхавшая ни разу изъ Россіи, осталась вполнѣ и безъ всякой примѣси заграничнаго элемента русскою барынею прошлаго вѣка. Видную, рослую эту фигуру я и теперь могла бы нарисовать. Она всегда

была одѣта въ шелковое платье каштановаго цвѣта и старинчаго покроя; на голову надѣвала разныя мудреныя куафюры екатерининскихъ временъ; румянилась, какъ въ царствованіе великой императрицы было принято румяниться, накладывая румяны на щеки яркими, неестественными пятнами, и прилѣпляла одну мушку вблизи лѣваго глаза, не рѣшаясь покинуть вполнѣ прежнее украшеніе своего лица. Въ домѣ своемъ она имѣла все, что слѣдовало и что, по ея мнѣнію, имѣть въ домѣ было необходимо: свою церковь, своихъ пѣвчихъ, своихъ швей, своего портного, своего башмачника, своего обойщика, своего столяра. Все прочее домашнее устройство было также какъ слѣдовало. Челядь безчисленная, толпа горничныхъ подъ начальствомъ барской барыни, особая комната для болонокъ и для приставленныхъ къ нимъ дѣвушекъ; у каждой двери господскихъ покоевъ огромный малый.

Понятія Натальи Андреевны были большей частью для меня совершенно новы. Встать съ креселъ и сдѣлать нѣсколько шаговъ для того, чтобы взять потребную ей вещь, она почитала дѣйствіемъ неприличнымъ и обращалась къ малому у дверей съ приказаніями, какъ то, которое разъ было отдано при мнѣ: „Человѣкъ! скажи рябой Аннѣ, чтобы она прислала русую Анну подать мнѣ вѣеръ“. Вѣеръ лежалъ на столѣ въ той же комнатѣ.—Не знаю,

старалась ли она когда-нибудь объяснить себѣ, какимъ образомъ можно существовать, не имѣя, по крайней мѣрѣ, полдюжины слугъ. Я слышала, какъ, разговаривая съ матерью моей о двѣнадцатомъ годѣ, она ей свою тогдашнюю напасть разсказала слѣдующими словами: „Вообразите, что со мной было! Я наскоро уѣхала изъ Москвы въ свое помѣстье и принуждена была тамъ остаться, а въ домѣ не было у меня людей, кромѣ тѣхъ, которыхъ я привезла съ собой: два человѣка и три горничныя. Представьте себѣ мое положеніе!“

Меня Наталья Андреевна очень полюбила и почти каждый день посылала за мной. Она мало выѣзжала и мало имѣла знакомыхъ, а родни никого, кромѣ одного племянника, который жилъ въ Петербургѣ и навѣщалъ ее изрѣдка. Я для нея была развлеченіемъ. Дѣти легко мирятся со всѣмъ что для нихъ непривычно и ничему долго не удивляются; я вскорѣ, своей ребяческой логикой, заключила, что у Натальи Андреевны должно быть такъ, а у насъ должно быть иначе. Но все-таки тѣмъ, что мнѣ у нея случалось видѣть и слышать, я нерѣдко смущалась. Такъ я однажды была свидѣтельницей одного intermezzo въ гостиной Натальи Андреевны.

Слуга, подавая чай, стоялъ передъ ней съ подносомъ въ рукахъ. Наливая сливки въ чашку, она обратилась къ нему съ вопросомъ: „Скажи пожа-

луйста, зачѣмъ ты такъ трясешь подносомъ?“.—Фиделька больно ноги кусаетъ, ваше превосходительство.—„Великая бѣда, мой милый, что Фиделька тебѣ ноги кусаетъ! Должно ли изъ этого трясти подносомъ, когда ты подаешь мнѣ чай?“ Это было сказано такъ простодушно, что я отъ удивленія осталась недвижна, смотря на Наталью Андреевну.

При всемъ томъ она была женщина добрая. Можно ли было ставить ей въ вину, что она родилась и осталась въ средѣ, въ которую не проникли иныя понятія? Кто изъ гражданъ древняго Рима упрекалъ жену, сестру или дочь свою, когда она, наряжаясь, втыкала булавки въ грудь своей невольницы?

Мы прожили нѣсколько лѣтъ въ домѣ Натальи Андреевны. При каждомъ возвращеніи весны, я вспоминала о наслажденіяхъ бывалой сельской жизни моей. Небольшое зеленое пространство двухъ садовъ передъ домомъ было жалкой замѣной луговъ и парка незабвеннаго для меня Петровскаго. Иногда, въ теченіи лѣта, намъ случалось побывать, на короткое время, у знакомыхъ въ деревнѣ, что, разумѣется, для меня всегда было радостное событіе. Тамъ я между прочимъ увидѣла образчикъ быта вовсе другого, чѣмъ барскій бытъ Натальи Андреевны, но быта также для меня новаго. Случайно съ нами познакомился богатый купецъ Чериковъ и, вслѣдствіе настоятельной просьбы его, мать моя со мною про-

вела нѣсколько дней у него въ гостяхъ, въ прекрасной недавно купленной имъ подмосковной. Тутъ я была свидѣтельницей существованія чисто-матеріальнаго и убѣдилась, что человѣческій желудокъ дѣйствительно можетъ пріобрѣсть способность принимать пищу почти безпрерывно. Единственная забота въ этомъ домѣ состояла въ томъ, чтобы поддерживать такое усовершенствованіе желудка, и эта забота была постоянная. Утромъ, въ восемь часовъ, подавали чай и кофей, съ калачами, сайками, витушками и разнымъ другимъ печеніемъ. Истребленіемъ всего этого припаса семейство занималось болѣе часа, выпивая чашку за чашкой, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Въ десять часовъ подавалась, подъ названіемъ перваго завтрака, простокваша въ сопровожденіи пирожковъ; въ двѣнадцать часовъ подавался второй, серьезный завтракъ, изъ котораго можно было составить два сытные обѣда; онъ длился около часа; за нимъ слѣдовалъ чай, въ своемъ качествѣ напитка, споспѣшествующаго пищеваренію. Въ третьемъ часу подавалась закуска; въ три часа начинался и продолжался до половины пятаго торжественный обрядъ обѣда, за которымъ слѣдовали, разумѣется, опять кофей и чай. Тотчасъ потомъ (времени оставалось уже немного, терять его нельзя было) столъ въ гостиной былъ уставленъ фруктами и разными наливками. Въ восьмомъ часу подавался чай,

вечерній, чай an sich, und für sich, съ изобиліемъ печенія, какъ утромъ; вслѣдъ за нимъ ставили на столъ всевозможныя варенья, для пріятнаго препровожденія времени до ужина, за который садились въ десять часовъ.

Но при всѣхъ этихъ мѣрахъ, взятыхъ противъ праздности, все-таки оставались, въ теченіе дня, часа два-три незанятыхъ; ихъ употребляли на то, чтобы пройтись по обширному саду, преимущественно направляя шаги въ ту сторону, гдѣ было отведено мѣсто для ягодъ и овощей. Тутъ члены семейства лакомились мимоходомъ малиной и крыжовникомъ, или взятымъ съ парника огурцомъ. Отецъ-Черіковъ предпочиталъ подкрѣпляться инымъ во время прогулки: онъ обходилъ садъ въ сопровожденіи мальчика лѣтъ тринадцати, идущаго за нимъ вслѣдъ съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ, рядомъ съ рюмкой, стоялъ большой графинъ мадеры. Послѣ пятиминутнаго гулянья старый купецъ останавливался, мальчикъ подходилъ съ подносомъ, старикъ наливалъ себѣ рюмку мадеры, выпивалъ и шелъ дальше. Каждыя пять минутъ это повторялось. По истеченіи часа, прогулка была кончена, и графинъ былъ пустъ.

Погостивъ тамъ недѣлю, я возвратилась домой, не зная, можно ли было назвать этихъ людей счастливыми? Что по своему мнѣнію они вполнѣ блаженствовали, въ томъ не было никакого сомнѣнія.

Оставаясь единственнымъ ребенкомъ въ отцовскомъ домѣ, я привыкла къ этому одиночеству. Домашняя жизнь наша была тиха и однообразна. Годы отрочества проходили для меня безъ слѣдовъ. Не было ничего особенно мнѣ пріятнаго и радостнаго, не было также ничего и особенно докучнаго; развѣ иные уроки, которые брать я была принуждена и по возможности старалась избѣгать. Къ числу не добровольныхъ моихъ занятій принадлежало содѣйствіе, которое отецъ мой, страстный астрономъ, требовалъ отъ меня, когда онъ вечеромъ садился за свой телескопъ. При наблюденіяхъ, въ то время его занимающихъ, было нужно употребленіе хронометра. Это дѣло поручалось мнѣ; велѣно было глядѣть на него неотступно до знака, даннаго отцомъ словами: Разъ!—два!—три! и при послѣднемъ словѣ замѣтить секунду на циферблатѣ. Я принималась за должность, слѣдя пристальнымъ взоромъ за секундовой стрѣлкой; но условнаго сигнала приходилось иногда ждать долго; пора была поздняя, взоръ становился неясенъ, вѣки опускались. Мнѣ, какъ издали, слышались произнесенныя съ разстановкой слова: Разъ!—два! и послѣ короткаго молчанія восклицаніе: „три!“, при которомъ я вздрагивала. „Сколько секундъ?“ спрашивалъ отецъ, оборачиваясь. Я въ просонкахъ терла глаза. Отецъ вскакивалъ въ досадѣ со стула и я убѣгала, не дожидаясь его упрековъ.

Проживъ такъ почти четыре года жильцомъ старой знакомки своей, отецъ мой, который до тѣхъ поръ говорилъ смѣясь, что онъ согласился быть врачемъ одной больной только потому, что она совершенно здорова, сталъ нѣсколько сомнѣваться въ здоровьи Натальи Андреевны и болѣе за ней примѣчать, часто повторяя при мнѣ: „Не понимаю что съ ней! Организмъ чѣмъ-то разстроенъ, пульсъ ускоренъ и неправиленъ, выраженіе лица измѣнилось, а между тѣмъ, она ни на что не жалуется, и нѣтъ признаковъ какой бы то ни было болѣзни.“ Черезъ нѣкоторое время онъ рѣшился сказать Натальѣ Андреевнѣ о своемъ желаніи посовѣтоваться съ другимъ медикомъ на счетъ ея здоровья. Она отвѣчала, что объ этомъ и слышать не хочетъ, что гдѣ нѣтъ болѣзни, не о чемъ и совѣтоваться. „Мнѣ, батюшка, шестьдесятъ пять лѣтъ, вотъ и все; а отъ этого меня никто не вылечитъ.“ Другого не было отвѣта на всѣ просьбы и увѣщанія. Мѣсяца три позднѣе она слегла, также упорно отказываясь отъ всякаго врачеванія и утверждая, что вовсе не больна. Въ одно утро съ ней сдѣлался обморокъ, и тутъ только суетившіяся вокругъ нея горничныя увидѣли, что лѣвая грудь ея была совершенно истреблена страшнымъ ракомъ. Съ этимъ извѣстіемъ вбѣжали къ отцу моему; онъ поспѣшно сошелъ къ больной, а возвратился къ намъ въ изумленіи, убѣдившись въ томъ, чему вѣрить не

хотѣлъ. Оно было дѣйствительно такъ. Эта избалованная барыня, которой малѣйшее неудобство было въ тягость, вынесла, въ продолженіи годовъ, терзающую боль, не позволяя себѣ ни единаго вопля. Эта женщина, которая сама не брала вѣера со стола, которая ни за что бы не дотронулась до паука, мыла украдкой, запершись въ своей спальнѣ, перевязки, покрытыя отвратительными слѣдами ея раны и съумѣла утаить отъ всѣхъ своихъ горничныхъ эту смертельную язву. Видаясь ежедневно съ медикомъ, въ искусство котораго вѣрила вполнѣ, она имѣла силу духа не измѣнить себѣ ни разу, не просить помощи и облегченія боли, убивающей ее! И все это изъ стыдливости, для того, чтобы не подвергнуться необходимости обнажить грудь свою передъ врачемъ,— грудь шестидесятилѣтней старухи! Можно это назвать безуміемъ, но нельзя не признать героизма своего рода въ женщинѣ, которая, ожидая неминуемую близкую и мучительную смерть, до самаго конца не позволяетъ себѣ малѣйшаго несоблюденія приличій, самаго незначительнаго отступленія отъ привычнаго порядка, ни разу не забываетъ украсить свою одежду надлежащей лентой, нарумянить щеки и прилѣпить на лицо мушку.

О медицинской помощи тутъ нечего было и думать. Черезъ нѣсколько дней Наталья Андреевна умерла. Подробности ея смерти скрыли отъ меня съ

очевиднымъ стараніемъ. Послѣднія ея страданія были, вѣроятно, ужасны.

Петербургскій ея племянникъ продалъ доставшійся ему въ наслѣдство домъ, и весной мы выѣхали изъ него. Мнѣ помнится, какъ, въ теченіи послѣднихъ недѣль, нами тамъ проведенныхъ, я была смущена, видя, что все устройство, ни въ чемъ не измѣненное покойницей въ продолженіи болѣе полувѣка, было наслѣдникомъ вдругъ поставлено вверхъ дномъ; и я замѣчала съ великимъ удивленіемъ, что, кромѣ меня, никто этому не удивлялся.

Съ началомъ лѣта начался для меня новый бытъ: я вдругъ очутилась въ другой средѣ и въ сношеніяхъ съ другими лицами. Старый князь П. П. Одоевскій, съ которымъ отецъ мой былъ знакомъ съ молодости своей, настоялъ на томъ, чтобы мы заняли, на лѣтнее время, флигель его такъ называемаго загороднаго дома, близъ Прѣсненскихъ прудовъ. Это была, съ давнихъ поръ, его привычная villegiatura.

Князь П. П. Одоевскій, тогда уже восьмидесятилѣтній, былъ типъ самыхъ любезныхъ вельможъ прежнихъ временъ, тѣхъ людей, которые ставили себѣ въ обязанность до совершенства доведенное savoir vivre. Въ князѣ оно было основано не на однихъ изученныхъ условныхъ формахъ: чувствовалось, что у него эти формы были выраженіемъ сердечнаго доброжелательства ко всѣмъ и каждому.

Есть натуры, которыя безсознательно отталкиваютъ и тогда, когда онѣ этого вовсе не имѣютъ въ виду: всѣ ихъ пріемы и поступки отзываются чѣмъ-то оскорбляющимъ, ихъ вѣжливость непріятна, какъ сахаръ, въ который попалъ песокъ. Есть другія особы (ихъ очень немного), которыя каждому, съ кѣмъ находятся въ общественныхъ сношеніяхъ, внушаютъ постоянно какую-то душевную признательность, не имѣющую никакой опредѣленной причины. Князь П. П. Одоевскій былъ изъ небольшаго числа этихъ послѣднихъ людей.

Я съ нимъ тотчасъ же ужилась какъ нельзя лучше. Видѣть вокругъ себя дѣтей и разцвѣтающую молодежь осталось для него потребностью до самаго конца жизни. У него въ дому были, подъ надзоромъ пожилой дамы, всегда двѣ-три воспитанницы, бѣдныя сироты, которыхъ онъ обезпечивалъ, образовывалъ и выдавалъ за мужъ. На ихъ мѣсто поступали немедленно другія.

Такимъ образомъ я тутъ нашла сверстницъ и, разумѣется, подружилась съ ними какъ нельзя больше и видалась ежедневно. Одна изъ нихъ мнѣ особенно памятна; ее я и предпочитала другимъ. Это было милое, кроткое существо, неспособное къ борьбѣ съ судьбою, исполненное тихой, преждевременной грусти. Она понимала, что, при всемъ ей оказанномъ покровительствѣ и благодѣтельномъ попеченіи о ней, она

сирота, была лишена счастья, которымъ надѣленъ, въ отцовскомъ дому бѣднѣйшій ребенокъ. Она иногда говорила мнѣ о томъ, какъ тяжко ей слышать, что вскорѣ надо будетъ ее *пристроить*; какъ страшно для нея это выраженіе.—Разставшись съ ней, я не узнала, какъ ее пристроили и что съ ней потомъ было.

Она двумя годами была старше меня. Съ нею я вела тихія бесѣды, съ другими рѣзвилась взапуски. Князь безпрестанно придумывалъ разныя удовольствія для насъ, дѣвочекъ, устраивалъ намъ забавы, былъ тѣмъ довольнѣе, чѣмъ больше мы шумѣли и, опираясь на своего камердинера, приходилъ къ намъ и спрашивалъ: весело ли намъ?

Я не встрѣчала аристократа болѣе симпатическаго. Онъ былъ grand seigneur въ лучшемъ значеніи этого слова. Какъ онъ всегда и во всякомъ случаѣ оказывался такимъ, мнѣ домашніе его часто разсказывали. Помѣщаю здѣсь одинъ анекдотъ.

Многочисленное общество было въ одинъ вечеръ созвано у князя на балъ. Праздникъ шелъ своимъ порядкомъ и былъ очень оживленъ. Когда наступило время ужина, князь повелъ своихъ гостей въ столовую, выражая имъ свое сожалѣніе, что принужденъ усадить ихъ довольно тѣсно потому, что большая зала, гдѣ столъ былъ накрытъ, случайно загорѣлась, часа два тому назадъ, и что отъ нея остались одни голыя стѣны. Тутъ только гости узнали, что

они беззаботно танцовали и забавлялись въ дому, въ которомъ, въ немногихъ шагахъ отъ нихъ, распространялся пожаръ.

Я князя знала уже нѣсколько недѣль, когда мнѣ разсказали о горестныхъ испытаніяхъ, постигнувшихъ его. Лишившись и жены и всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ одной дочери, которую выдалъ за мужъ за графа Кенсона, французскаго эмигранта, князь, наконецъ, пережилъ и ее, и двухъ ея младенцевъ, и остался безсемейнымъ вполнѣ.

Это сдѣланное мнѣ сообщеніе изумило меня и сбило съ толку. Этотъ человѣкъ, узнавшій столько горя, потерявшій до послѣдняго всѣхъ, кого любилъ, ужели былъ онъ тотъ самый спокойный старикъ, который разговаривалъ такъ непринужденно и шутилъ со мной, который обращалъ вниманіе на удобство и комфортъ жизни? Оно такъ и осталось тогда для меня загадкой неразрѣшимой. Я, четырнадцатилѣтняя, не могла имѣть понятія о власти времени и о невѣроятной способности человѣка ужиться съ участью своей, какая бы она ни была.

Впрочемъ, этой дочери, смерть которой была послѣднимъ и самымъ жестокимъ ударомъ для него, князь поставилъ небывалый и несокрушимый памятникъ: похоронивъ ее въ одномъ изъ своихъ помѣстій, онъ освободилъ въ немъ все крѣпостное народона-

селеніе, тысячу душъ, отдавъ имъ въ собственность вотчину.

Быть ежедневно въ хорошемъ обществѣ и проводить время въ разныхъ увеселеніяхъ нравилось мнѣ чрезвычайно. Меня избавляли отъ уроковъ и предписанныхъ занятій. Отецъ и мать давали мнѣ наслаждаться вполнѣ новымъ для меня образомъ жизни и чудесной погодой, почти постоянной въ продолженіи всего этого лѣта, перваго, съ давнихъ поръ, мною безъ сожалѣнія проведеннаго не въ деревнѣ. Хотя и тогда,

„Въ тѣ дни, какъ Прѣсненское поле
Еще заборъ не ограждалъ“,

оно было совсѣмъ не то, что сельскія поля, но я не желала лучшаго мѣстопребыванія. Прогулокъ въ рощахъ и лугахъ, вольной воли деревенской тутъ не было; но за то было такъ много другого, хорошаго, еще небывалаго, столько же въ мірѣ внѣшнемъ, сколько и во внутреннемъ мірѣ. Я стояла на межѣ, отдѣляющей отрочество отъ юности; потребность нравственнаго движенія брала верхъ надъ потребностью движенія физическаго; въ умѣ, еще полномъ ребяческихъ затѣй, просыпался молодой энтузіазмъ,— и въ ту же самую пору являлся случай предаваться ему въ полной мѣрѣ. Пронеслась вѣсть о возстаніи Греціи. Народъ, о которомъ почти не было и помину,

народъ, давнымъ давно порабощенный, безмолвствующій подъ гнетомъ чужой, грубой власти, сокрушалъ вѣковое ярмо, ополчался противъ насилія и начиналъ съ нимъ борьбу на жизнь и смерть. Извѣстно, какое одушевительное дѣйствіе это событіе имѣло во всѣхъ краяхъ Европы. Теперешніе старики, принадлежащіе къ тогдашнему молодому поколѣнію Россіи, помнятъ проявившееся и у насъ восторженное сочувствіе къ подвигамъ новыхъ греческихъ героевъ, восхищеніе, съ которымъ твердили имена: Ипсиланти, Боцарисъ, Канарисъ, упованіе на успѣхъ ихъ усилій.

Странно подумать, что такъ искренно радуясь прекращенію неволи грековъ, наши помѣщики не находили ничего предосудительнаго въ неволѣ русскихъ мужиковъ и дворовыхъ людей своихъ, подчиненныхъ ихъ барскимъ причудамъ и выходкамъ, часто совершенно турецкимъ. Помнится мнѣ, что въ самое время возбужденныхъ благородныхъ идей и симпатій, говорили при мнѣ, очень просто и хладнокровно, о томъ, какъ одинъ мнѣ знакомый господинъ, сенаторъ М-й, имѣлъ случай угодить графу Аракчееву, посѣтившему тогда Москву. Графъ, въ продолженіи обѣда, даннаго ему сенаторомъ, замѣтилъ у него соловья, пѣніе котораго было превосходно. На другой день сенаторъ приказалъ одному изъ слугъ своихъ взять клѣтку съ птицей, обратившей на себя вниманіе знатнаго посѣтителя, и отпра-

виться съ ней къ графу въ Петербургъ, пѣшкомъ, потому что такъ было лучше для соловья и дешевле для сенатора, Слуга, прошедши туда и назадъ 1400 верстъ, въ пору слякоти, по дорогѣ самой скверной (тогда еще не было и шоссе) вернулся съ докладомъ, что соловья донесъ благополучно и что графъ приказалъ очень благодарить сенатора за подарокъ.

Такого рода факты, теперь уже у насъ, слава Богу, невозможные, были тогда непоразительны. Употребленіе, болѣе или менѣе грѣшное, власти неограниченной помѣщика встрѣчалось вездѣ и было неминуемое и естественное послѣдствіе этой власти. Люди, нравственно образованные, признавали крѣпостное состояніе зломъ, но уживались съ этимъ зломъ и пользовались имъ безсознательно.—Одинъ французскій писатель говоритъ, что случается слышать „des mots qui hurlent d'effroi de se trouver ensemble" *). У насъ приходилось всѣмъ слышать и произносить такія слова. Пріятельницы одной дамы разсказывали съ сожалѣніемъ о ней, что при незначительныхъ ея доходахъ для нея чрезвычайно затруднительна необходимость возить дочерей въ свѣтъ и что недавно она, для того, чтобы явиться съ ними въ новыхъ платьяхъ на большомъ балѣ, принуждена была про-

*) Слова, которыя отзываются ужасомъ, потому что стоятъ рядомъ.

дать горничную, очень ловкую и отличнаго поведенія. Тотъ же самый князь Одоевскій, памятный мнѣ какъ человѣкъ въ высшей степени добродушный и благородный, сказалъ разъ отцу моему, что часъ тому назадъ онъ своему зятю, графу Кенсона, продалъ пятьсотъ душъ, по копѣйкѣ за душу. Онъ улыбался, говоря объ этой шуткѣ. Душа, проданная за копѣйку, это вовсе не казалось ему чѣмъ-то возмутительнымъ. И вѣдь принятое выраженіе было точное: продавались въ самомъ дѣлѣ души, продавалось право доводить ихъ до отчаянія. Тяжка мысль, что въ Россіи есть еще много людей, сожалѣющихъ о томъ, что они теперь не могутъ уже быть душепродавцами.

Прежде чѣмъ было назначено, кончилось веселое житье мое на дачѣ князя. Вслѣдъ за отличнымъ лѣтомъ настала вдругъ осень необыкновенно суровая. Прѣсненское поле стало болѣе и болѣе принимать видъ вовсе непривлекательный. Мы переѣхали на городскую квартиру, нанятую заранѣе, и князь возвратился въ свой московскій зимній домъ. Тамъ онъ продолжалъ вести тотъ же образъ жизни, окружать себя дѣтьми и давать имъ праздники, не смотря на то, что послѣднія силы его замѣтно ослабѣвали. Къ исходу зимы онъ умеръ, кроткій и спокойный духомъ, какъ жилъ.

Мысль моя останавливается на воспоминаніи недолгаго моего сближенія съ нимъ. Можетъ быть, не

даромъ, въ первые дни моей юности, я встрѣтила его, доживающаго мирно и безропотно вѣкъ полный горестныхъ потерь и обманутыхъ надеждъ; можетъ быть, молодому, непокорному уму было не напрасно дано это наставленіе, не вполнѣ понятое имъ тогда.